

Цзян Сюйхань аккуратно поставил молочный чай на стол, чтобы другие студенты, увидев его, не спрашивали, занято ли место. Фу Вэйян, глядя на почти допитый чай с персиком, почувствовал, будто тот таким образом пытается обозначить свои права.

После всей этой суматохи с Цзян Сюйханем у него совсем пропало желание просить фотографию у кандидата для свидания. А когда он увидел сообщение, где тот нагло отказывался её отправить, Фу Вэйян был в недоумении.

Тон был точно такой же, как у этого противного братишки.

В последний вечер перед зимой природа была особенно благосклонна, и на закате небо окрасилось в яркие оттенки красного, залил половину кампуса Университета Цин.

— Самый красивый закат этого года! Кто умеет фотографировать, скорее берите камеру!

— Я сфотографирую, кто поможет с подписью? Нужно что-то с атмосферой боли, как будто тебя отвергли, и в душе осталась только эта дрожащая боль. Вдохновляюще!

Цзян Сюйхань и Фан Таньши, возвращаясь, тоже обратили внимание на закат.

Цзян Сюйхань, услышав разговоры, почувствовал лёгкую грусть. Чувство отверженности ему знакомо, ведь Фу Вэйян его отверг.

Братишка почувствовал горечь в сердце и вдруг захотел поделиться своими чувствами. Он сел на краю баскетбольной площадки, где пластик не был раскалён солнцем, и воздух был свежим и приятным.

— Тебе когда-нибудь признавались в любви? Или ты сам признавался кому-нибудь?

Фан Таньши задумался, затем ответил:

— Да, мне признавались в любви на выпускном вечере в старшей школе.

— Почему ты тогда один?

— Потому что... потом всё как-то само собой закончилось. — Фан Таньши, что было редкостью, говорил серьёзно. Он смотрел на закат и бормотал:

— Я до сих пор ни с кем не встречался, надеюсь, этот рекорд не продлится до окончания университета.

Фан Таньши рассказал Цзян Сюйханю, что девушка, которая ему нравилась, призналась ему в любви на выпускном вечере. Это было невероятно, он тогда был так счастлив, что голова шла кругом. Но на следующий день, когда он с энтузиазмом пошёл к ней, она сказала, что это было под влиянием алкоголя, и она просто наговорила лишнего.

— Так что, это даже не считается отношениями, верно?

— Она тебя поцеловала? — Цзян Сюйхань, почувствовав, что сюжет кажется знакомым, поспешил спросить.

Фан Таньши покачал головой.

— Конечно нет, она была так пьяна, что едва могла ходить. Так что алкоголь — это

действительно зло, я тоже решил бросить пить.

— Тогда я сильнее тебя в этом. — Цзян Сюйхань ответил, но сразу пожалел.

Фан Таньи уловил суть и, подойдя ближе, с улыбкой спросил:

— О, значит, у тебя тоже был такой опыт? Кто это был? Я знаю её? В чём ты сильнее? Тебя поцеловали или... хе-хе.

— Хватит хихикать, пошли обратно.

Цзян Сюйхань встал, отряхнул пыль с брюк, в глазах появилась лёгкая грусть. С того дня Фу Вэйян больше не упоминал о баре. Неужели это тоже было под влиянием алкоголя?

Цзян Сюйхань вошёл в комнату, и тут же раздался громкий звук.

— Бум — ш-ш-ш!

— Что случилось?!

Фан Таньи первым вбежал внутрь и увидел извиняющуюся улыбку Фу Вэйяна.

— Мы с Бай Мэнлэем убирались, и я случайно разбил стеклянную миску, которую ты принёс позавчера для лапши...

— Ничего страшного, это не так дорого, я куплю новую. — Он махнул рукой, пытаясь успокоить.

Фу Вэйян не успокоился, его выражение стало ещё более странным.

— И ещё... две стеклянные чашки на столе, они тоже разбились... — Эти чашки были Фан Таньи, ведь он любил пользоваться стеклянной посудой.

Фан Таньи остановился, почувствовав, как его сердце разбивается, но он знал, что Фу Вэйян не очень хорошо справляется с уборкой, и снова махнул рукой.

— Не переживай, я справлюсь.

— И ещё одна стеклянная ложка, — наконец закончил Фу Вэйян. — Я сейчас закажу новые, извини.

Бай Мэнлэй, сдерживая смех, посмотрел на Фан Таньи, взял метлу и начал подметать осколки. Несколько кусочков стекла покатались в сторону Фу Вэйяна, но никто не заметил. Фу Вэйян только что вытер эту область и, не задумываясь, встал босиком на пол.

Он сделал шаг вперёд, и Цзян Сюйхань закричал:

— Осторожно! — увидев, что тот вот-вот наступит на осколки. В панике он подхватил его ногу.

Цзян Сюйхань опустился на одно колено, одной рукой держа ногу, другой — придерживая голень.

В комнате было не холодно, после уборки стало жарко, Фу Вэйян был в белых шортах, его стройные ноги были открыты. Когда ладонь Цзян Сюйханя коснулась его, оба слегка ахнули.

Фан Тань, всегда считавший, что между ними что-то есть, тут же начал шутить.

— Что, ты собрался сделать предложение?!

— Какое предложение! — Цзян Сюйхань посмотрел на него с раздражением, встал и сделал неожиданный шаг — он поднял Фу Вэйяна на руки. Тот замер, боясь упасть, и инстинктивно обнял его за шею.

Цзян Сюйхань немного растерялся, поза Фу Вэйяна напомнила ему ту ночь, только выражение лица было другим. Тогда Фу Вэйян смотрел на него слегка пьяными глазами, щёки были розовыми, и он мягко спросил: «Разве ты не хотел меня поцеловать?»

Он чуть не выпалил: «Хотел».

Цзян Сюйхань глубоко вздохнул и посадил его на кровать.

— Сиди спокойно, я всё сделаю.

— Хорошо, спасибо.

— Не за что, мне приятно.

— ...

Фан Тань, любивший подшучивать, постоял рядом, а когда Бай Мэнлэй начал подметать его сторону, вдруг раскинул руки и с игривым видом сказал:

— Лэй, на полу слишком много осколков, боюсь поранить ножки, подними меня тоже!

Бай Мэнлэй с усмешкой бросил метлу, закатал рукава и ответил:

— Давай, подниму, сто юаней за раз, доставлю до твоей кровати.

Фан Тань отмахнулся от него.

— Ты просто чистокровный мужик!

— Я ещё не такой мужик, как наш младший! — Бай Мэнлэй, прямолинейный, сказал:

— Ты забыл про то пари на стене признаний, сколько народу хочет за ним ухаживать.

— Хватит болтать про стену признаний, наш младший куда более гибкий, чем ты, хоть топором его руби.

Цзян Сюйхань: «...»

Фу Вэйян: «...»

Фу Вэйяну приклеили ярлык неумехи, и теперь никто не позволял ему убираться в комнате, особенно Фан Тань. Он чуть ли не схватил его за руки и ноги.

— Брат, я виноват, оставь хотя бы пару тарелок...

Цзян Сюйхань, весь в поту, не сдержал смеха. Он заказал новый набор посуды, но не стеклянный, а пластиковый. В рекламе было написано: «Можете кидаться друг в друга,

разбилась одна — мы заменим целой коробкой».

— Впредь будем использовать пластик, чтобы ничего не разбивалось и не ранило ноги.

Цзян Сюйхань перед оплатой спросил Фан Тянью, а тот с недоброй улыбкой посмотрел на него и Фу Вэйяна, намекая:

— Цзян, ты боишься, что посуда разобьётся, или что кто-то поранит ногу?

— Боюсь, что поранишь ты, ведь Бай Мэнлэй не хочет тебя поднимать.

— ...

Фу Вэйян, увидев это, поспешил предложить оплатить покупку. Он уже успел поискать на сайте, но не знал, какой стиль предпочитает Фан Тянью, поэтому задерживался с заказом.

Цзян Сюйхань упрямо покачал головой.

— Не нужно, я сам оплачу.

— Давай я заплачу, сколько всего? Я переведу тебе через WeChat. — Фу Вэйян открыл переписку с Цзян Сюйханем и, остановившись на странице перевода, посмотрел на него, добавив: «Спасибо».

Цзян Сюйхань, до этого спокойный, услышав это «спасибо», сразу помрачнел, схватил игрушечного кота и швырнул ему.

Фу Вэйян, растерянный, поймал кота и уставился на него. Неужели Цзян Сюйханю не нравится, когда он говорит «спасибо»?

Фу Вэйян больше не настаивал, решив, что позже найдёт другой способ отблагодарить его. Инцидент с посудой был закрыт, напряжённый декабрь подошёл к концу, и каникулы были уже на носу.

В последнее время родители с обеих сторон тоже вели себя спокойнее, после того как Цзян Сюйхань отправил фотографии, они больше не настаивали на просмотре их переписки и совместных снимков.

<http://bllate.org/book/16295/1468953>